

К. ДРАГУНСКАЯ, А. СНЕГИРЁВ, А. АРКАТОВА,
А. ГЕЛАСИМОВ, Е. УСАЧЁВА, Е. НЕСТЕРИНА,
А. ЛУНИНА, С. КОЧЕРИНА, Ю. КЛИМОВА
УЛЬЯ НОВА И ДРУГИЕ

СТРАННАЯ ЖЕНЩИНА

🐾 РАССКАЗЫ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ 🐾

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С83

Оформление серии Г. Булгаковой

Странная женщина : [рассказы современных писателей]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с. — (Радость сердца. Рассказы современных писателей).

ISBN 978-5-699-99784-8

Эти женщины не сумасшедшие, они просто странные! С ними невозможно договориться, на них нельзя положиться, они чудят, дурят, всё путают и везде опаздывают. Чего от них больше — вреда или пользы? Как к ним относиться — любить или ненавидеть? А ведь без женщин с лёгким приветом наш мир был бы не таким интересным! Каждый хоть раз в жизни столкнулся с какой-нибудь странной дамой. Мы собрали целую галерею рассказов современных писателей об этих трогательных экзотических созданиях...

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Воронова М., 2017
© Усачёва Е., 2017
© Ульянова, 2017
© Аркатова А., 2017
© Нестерина Е., 2017
© Кочерина С., 2017
© Тремасова С., 2017
© Драгунская К., 2017
© Белецкий Р., 2017
© Тронина Т., 2017
© Снегирёв А., 2017
© Хрусталева А., 2017

© Юрченко В., 2017
© Шамордин Н., 2017
© Жукова А., 2017
© Лунина А., 2017
© Мавлютова Г., 2017
© Геласимов А., 2017
© Горюнова И., 2017
© Лисковая О., 2017
© Голунова Е., 2017
© Шевченко Г., 2017
© Помазан Е., 2017
© Климова Ю., 2017
© Оформление.

ISBN 978-5-699-99784-8

ООО «Издательство «Э», 2017

МАРИЯ ВОРОНОВА

Николай Иванович

Когда выяснилось, что занятия в нашей группе будет вести Николай Иванович, мы расстроились и испугались: слава об этой преподавательнице шла очень нехорошая. Прозвищем из мужского имени-отчества она была обязана не своему оголтелому феминизму, а всего лишь привычке к месту и не к месту упоминать русского титана хирургии Пирогова, причём каждый раз произнося имя полностью: «Как сказал Николай Иванович Пирогов», «Николай Иванович Пирогов впервые в мире» и прочее в том же духе. Впрочем, это была не единственная её странность, и, будучи «белой вороной» в метафорическом смысле, она и чисто внешне тоже очень напоминала эту редкую птицу. Маленькая, сутулая и

белобрысая, она даже ходила, по-птичьи подпрыгивая, а длинный нос так и просился, чтобы его назвали клювом. В птичьих круглых глазах читалась странная смесь удивления и мудрости. Необычное лицо, но далёкое от идеала женской красоты. «Страшная, как моя жизнь», — припечатали безжалостные сокурсницы, чьей жизни ещё только предстояло как следует их напугать.

Видимо, сознавая всю безнадёжность ситуации, Николай Иванович не тратила времени и сил, чтобы как-то её спасти. Она не пользовалась косметикой, ходила в джинсах, растянутых свитерах и кедах, а волосы убирала в хвост. А может быть, ей, страстно увлечённой профессией, просто было не до всяких женских глупостей.

Нельзя сказать, что она была очень жестокой и безжалостной преподавательницей. Не всегда отмечала отсутствующих и не проводила допросов с пристрастием, чтобы выбить у студентов признание «не учил». Нет, на это Николаю Ивановичу жаль было тратить время.

Приходя на занятия, мы передевались и сразу шли в операционную. Кому-то из группы выпадал шанс поддержать крючки, остальные наблюдали за работой Николая Ивановича.

Смешно вспомнить, какие мы тогда были глупые и самодовольные! Я только через много лет сообразила, что тогда мы присутствовали при уникальных операциях, которые наша преподавательница, несмотря на свою молодость, делала первой в стране и которые, будучи внедрены благодаря ей в практику, спасут потом жизнь тысячам людей.

Но мы ничего этого не хотели знать, а завидовали

параллельной группе, которую не водили в операционную и в половине двенадцатого уже отпускали.

После операции мы возвращались в аудиторию, и начиналось занятие. Николай Иванович рассказывала с увлечением, и чаще всего приходилось напоминать ей, что время вышло и пора заканчивать, если мы хотим успеть на лекцию, тогда она быстро нас отпускала. Лишь много позже я поняла её страстное желание поделиться с нами своим опытом, дать информацию, которая в один прекрасный день поможет нам принять правильное решение.

Все мы судим о людях по себе. Преподаватели, отпустившие своих студентов пораньше, были в душе такими же ленивыми и нелюбопытными, а нашей просто в голову не приходило, что нам надоело и мы хотим уйти, оставить изучение интереснейшей в мире науки ради бессмысленного сидения в кафе.

Не знаю, почему она выделила меня среди других студентов. Я неплохо соображала, была дисциплинированной студенткой, но и только. Такого вот горения, страсти к науке у меня не было никогда.

И всё же Николай Иванович как-то разглядела, что я прирождённый анестезиолог-реаниматолог, и прежде чем я успела что-то возразить, засунула меня в научный кружок по этой специальности.

«Главное — не пролюби свой талант!» — напутствовала она меня, а я невесело засмеялась. Мне было двадцать лет, и единственное, что мне действительно хотелось сделать со своим талантом, — это именно пролюбить его.

«Я не такая страшная, как она, — думала я печально, — и у меня есть ещё шанс создать семью, а не посвятить себя работе, как приходится делать ей». В годы моей юности на женское счастье смотрели немного иначе, чем сейчас.

Цикл по хирургии закончился, оставив нам усталость, приятные воспоминания и довольно приличный запас знаний.

Я занималась в научном обществе без особого энтузиазма, тратя на это в десять раз меньше сил, чем могла бы, всю энергию посвящая любовным переживаниям.

Вышла замуж, родила и растворилась в житейских заботах, втайне надеясь, что диплом врача больше никогда не понадобится мне. Когда сыну исполнилось два года, я задумалась о втором ребёнке, но прежде чем поняла, хочу я этого сейчас или лучше немного подождать, муж сообщил, что уходит от меня.

Не буду останавливаться на том, как была сокрушена и растоптана, скажу только, что жизнь моя надолго превратилась в обряд самобичевания, в попытки найти в прошлом «тот самый момент» и перевести стрелку, в мучительный анализ собственных промахов и недостатков.

Спасло меня только то, что ребёнка надо кормить. Всё же гуманные у нас законы, слава Кларе Цеткин и прочим дамочкам. Безжалостное законодательство всяких чуждых нам стран предписывает инициатору развода обеспечивать свою больше не нужную вторую половину, чтобы она не пострадала хотя бы финансово. В результате брошенная жена может с комфортом предаваться унынию и депрессии. Слава богу, у нас не

то. Захотел — женился, захотел — ушёл, а как там будет бывшая с ребёнком, её дело. Она такой же человек, как и ты, руки-ноги есть, прокормится как-нибудь.

Вот и приходится крутиться, и на страдание остаётся совсем немного времени и сил.

Выйдя замуж и забеременев, я упустила возможность остаться на кафедре, но впечатление по себе вроде бы оставила хорошее, и теперь меня приняли в штат врачом-анестезиологом с перспективой заочной аспирантуры. Перспектива эта мне сто лет не была нужна. Жизнь кончена и разбита, осталось только поднять сына, и можно спокойно помирать.

Поэтому я равнодушно выслушивала похвалы своей светлой голове и аналитическому уму. Во-первых, я готова была в любую секунду променять все свои мозги на простое женское счастье, а во-вторых, было немножко странно, как маститые профессора умудрились всё это во мне разглядеть, ибо я особенно не утруждалась, делая не больше десяти процентов от того, что реально могла бы.

Выйдя на службу, я снова встретила Николая Ивановича. За эти годы она сделала неплохую карьеру, стала завкафедрой хирургии, что для молодой женщины было тогда фантастично.

Такая же тощая и сутулая, она носилась по всей больнице своей вороньей походкой и успевала за день переделать тысячу дел. Несмотря на то что она была для сотрудников доступна и очень демократична, Николай Иванович ни с кем не дружила и держалась особняком ровно настолько, чтобы не прослыть заносчивой.

Ни разу не было такого, чтобы она участвовала в женских разговорах, а приходя пить чай, брала с собой два куска хлеба. Ни разу я не видела, чтобы она ела что-то другое.

Новая должность мало изменила её привычки, она по-прежнему выглядела так, будто сбежала с фестиваля бардовской песни, впрочем, на официальные мероприятия надевала чёрный костюм, сидевший на ней ужасно и вызывавший ассоциации с деревенской почтальоншей.

Я не думала, что она вспомнит бывшую студентку, но Николай Иванович меня признала. Мы не подружались, но через какое-то время я стала её постоянным анестезиологом. Что-то, наверное, было у нас общее, раз мы на операциях без слов понимали друг друга.

Стыдно сказать, но я тоже оставалась одинока в коллективе. Мужчины-доктора, наверное, подсознательно чувствовали моё отчаяние и боевую готовность создать семью и сторонились меня, а с женщинами мне самой было скучно.

Это был тяжёлый год, мне казалось, что молодость уходит, то, что я считала смыслом и центром жизни, безвозвратно рухнуло, а работа — весьма неполноценный заменитель счастливого брака. Выходя на работу, я надеялась «найти кого-нибудь», даже похудела на пять килограммов, чтобы повысить свою привлекательность, но мужчины будто сговорились считать меня пустым местом.

Как-то, глядя на Николая Ивановича, я вспомнила её фразу: «не пролюби свой талант», и мне вдруг показалось, что это было не пожелание, а проклятие.

Злость вскипела в моей душе, хотя момент для этого был неподходящий — мы как раз находились на сложной операции.

Я знала, что женская часть коллектива не любит Николая Ивановича за то, что она никогда не сплетничает с ними, не ест тортов и конфет и торчит на работе, сколько душа пожелает.

Ну и за то, что добилась в жизни много больше, чем мы, как без этого. Ну и что, что мировая величина, и монографию напечатали в пяти странах, и приглашают на конференции, подумаешь! Зато страшная, ходит как лахудра и пропадает на службе все дни напролёт, значит, никакой личной жизни!

Достоверно мы ничего не знали о семейной ситуации Николая Ивановича, но понятно же, что женщина, обременённая мужем и детьми, не станет пропадать на работе и интересы её сосредоточатся не только в науке, но и в более интересных сферах, таких как воспитание детей, кулинария и сериалы.

Просто она рано поняла, что на неё никто не позарится, ни один нормальный мужик, вот и пришлось стать трудоголиком.

«А мне теперь даже трудоголиком не стать, — подумала я горько, — ребёнок не даст пропасть в работе».

То ли Николай Иванович поймала мой полный ненависти взгляд, то ли просто так совпало, но после операции она позвала меня выпить чаю. Никто не удивлялся такого приглашения раньше, я даже не думала, что у неё есть чайник в кабинете, поэтому согласилась, хоть пора было бежать за ребёнком в сад.

Я думала, мы обсудим какой-нибудь профессиональный вопрос, ибо остальные аспекты жизни мало интересуют Николая Ивановича, но неожиданно увидела в её глазах настоящее сочувствие. Не ту женскую фальшивую жалость, настоянную на самодовольстве и радости, что молния ударила не в тебя, а настоящее участие.

— Мне показалось, вы очень устали, — мягко сказала Николай Иванович.

Злость моя тут же прошла. Я вообще очень чувствительна к заботе о себе, потому что не часто это бывает. Еле сдерживая слёзы, рассказала про развод, про свои бесконечные самобичевания и чувство вины.

— Знаете, есть два глагола, которые нельзя употреблять в семейной жизни, — улыбнулась она, — это удержать и увести. Ваш муж просто оказался слабый и скучный человек. Как говорил Николай Иванович Пирогов: «Жить на белом свете — значит постоянно бороться и постоянно побеждать». Ваш муж не захотел, что теперь поделаться?

Я невольно улыбнулась в ответ, подумав, что даже в обсуждении таких лирических дел начальница не изменяет своей отрывистой манере.

— Вы только не...

— Пролюбите свой талант? — перебила я раздражённо.

— Нет, просто не отвергайте его. Не надо думать: «сгорел сарай, гори и хата». Не отбрасывайте то, что дал вам Бог. Боюсь оказаться занудной, но лучше, чем Николай Иванович, всё равно не скажу: «Без вдохновения нет воли, без воли нет борьбы, а без борьбы — ничтожество и произвол!»

Может быть, я послушалась её наставлений или просто исчерпался ресурс горя, но поступила в аспирантуру, и как-то на всё стало хватать времени.

Читать литературу по специальности оказалось гораздо интереснее, чем гладить мужу рубашки, и когда я это поняла, всё встало на свои места.

Я защитилась на год раньше срока, опубликовала несколько действительно новаторских статей и на одной конференции встретила такого же увлечённого доктора.

Через полгода мы поженились, и это оказалось совсем другое дело, чем мой первый брак.

Тогда я играла роль жены и была одна на сцене, потому что мой муж не играл роль мужа, а вольготно расположился в зрительном зале, наблюдая и оценивая, а когда зрелище ему прискучило, встал и ушёл. Теперь же...

Впрочем, рассказ не обо мне.

Я проработала уже года четыре, прежде чем сделать удивительное открытие. Как и большинство великих открытий, оно было обязано случайности. Мы с Николаем Ивановичем написали небольшую монографию и хотели получить отзыв одного академика, который в силу преклонных лет не пользовался компьютером. Вдруг возникла железная оказия, благодаря которой наш труд был бы сунут отсталому академику прямо под нос, а не пылился бы в кипах других бумаг, ожидая, когда корифей до него доберётся.

Терять шанс было нельзя, и мы договорились, что я найду к Николаю Ивановичу домой, возьму рукопись, а вечером отвезу её к московскому поезду.

Сама она не могла этого сделать, потому что дежурила. Да, несмотря на высокое положение, Николай Иванович не отказывалась от ночных дежурств, говоря, что они её взбадривают.

С детским чувством любопытства я поднялась по лестнице старого питерского дома и позвонила.

Открыл симпатичный дядька с бородой, в джинсах и свитере. Наверное, это у них форма такая, подумала я, пытаюсь понять, кем приходится Николаю Ивановичу мой собеседник. Отец? Брат?

Начала объяснять, кто я, но хозяин быстро перебил:
— Да-да, Тусечка сказала, что вы придёте.

Повинуясь его приглашающему жесту, я вошла, не сразу сообразив, кто такая Тусечка, настолько привыкла в своих мыслях называть начальницу Николаем Ивановичем.

Огляделась, ища вокруг признаки разорения и упадка, ибо понятно, что человек, сутками пропадающий на работе, не может держать дом в порядке, но против ожидания вокруг оказалось довольно мило.

Без лишней роскоши, но уютно, и хотелось посидеть подольше, а не уйти скорее под любым предлогом, как бывает в некоторых домах.

Насколько Николай Иванович была замкнута, настолько же бородатый дядька оказался радушен.

К моменту, как вскипел чайник, я уже знала, что зовут его Фёдор, он иллюстратор детских книг и живёт с Тусечкой в любви и согласии уже двадцать лет.

Оказывается, Тусечка много обо мне рассказывала, и он на всякий случай приготовил книги для моего сы-

на, не потому что хвастается своими работами, а просто книги хорошие. Конечно, тяжеловато получается, но он меня проводит до метро.

Вообще он очень рад познакомиться с кем-то из сотрудников жены, так-то она человек необщительный, для семейной жизни это скорее хорошо, но всё же иногда интересно узнать, с кем супруга проводит время.

К чаю Фёдор подал орешки и какую-то странную штуку, пояснив, что они с Тусечкой вегетарианцы.

Ого, подумала я, сколько всего выясняется, и прониклась ещё большим уважением к Николаю Ивановичу. Обычно приверженцы здорового питания все мозги проедают непросвещённым, восполняя, наверное, таким способом недостаток белков, а начальница никому ничего не навязывает.

Пакет с книгами оказался действительно очень увесист, но помучиться с ним стоило. Иллюстрации Фёдора оказались прекрасны.

Прощаясь возле метро, он спросил, не рисует ли мой сын, и предложил как-нибудь привести его на экскурсию в настоящую мастерскую художника.

Всё-таки я не утерпела и спросила, каково это — жить с трудоголиком.

Задумчиво почесав бороду, Фёдор ответил, что семья — островок свободы. Сохраняя семью, сохраняешь и свободу, а разрушая — впадаешь в беспросветное рабство.

Хорошо, что к тому времени я уже снова была замужем и поняла, что он имел в виду.